

УДК 482 – 3:415.61

ФРАЗЕОТВОРЧЕСТВО М. ЦВЕТАЕВОЙ

Шевченко Наталья

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина

Бишкек, Кыргызстан

В статье описывается языковое мастерство М. Цветаевой на фразеологическом уровне. Отмечены различные механизмы декодирования индивидуально-авторской фразеологии, которая рассматривается с точки зрения ее существования в языковой картине мира и человеческой культуры определенного временного пространства.

Ключевые слова: паремический массив, лексическая трансформация, семантическая трансформация, контаминация.

М. Цветаева – великий мастер слова. Особенно ярко это проявляется в ее отношении к фразеологическим единицам, которые являются не простым украшением ее прозаических текстов. Фразеологические единицы в текстах Цветаевой создают яркую образность и экспрессию благодаря творческому подходу художника слова к этим уникальным единицам языка. В её текстах более 4000 фразеологизмов, 60% из которых употребляются в авторской трансформации, а 25% являются авторскими. Чтобы убедиться в этом, обратимся к творчеству М. Цветаевой, которая включает фразеологизмы в речь, придавая ей своеобразный колорит: *«Оттолкнуть друзей, соратников, современников Брюсов – смог. Час не был их. <...> Но без этих, именующих себя «новой поэзией», он обойтись не смог: их был – час!»*

Иногда фразеологизм нужен ей в качестве фольклорного маркера, чтобы подчеркнуть нереальность (сказочность) происходящего: *«Нерусская и нерусские: воля, непривычная на Руси, сверхъестественная, чудесная в тридевятом царстве, где, как во сне, всё возможно»*. Фразеологизмы делают цветаевский текст не только более живым и образным, но и информационно насыщенным, благодаря своей специфической особенности кодировать информацию о мире и об отношении автора к нему. Она старается понять значение и назначение каждого выражения, проникнуться живительной силой простого русского смысла: *«Человек приказал долго жить. Удивительное чутье народа. Значит, умирая, человек понял, что жить, несмотря на все – прекрасно – и властью – как умирающий – именно приказал оставшимся – долго жить»*; *«По-русски трудно мыслить»*. – *По-русски (по-всячески) ЧУДНО мыслить. Были бы косточки, а мясо вырастет»*.

В прозаических текстах Цветаевой большая роль отведена народным выражениям, она гордится своей «свободной речью»: *«Словом, мой очередной деловой провал. Вырабатывать (NB! будь я не я или, по крайней мере, хоть лошадь не моя!) могла бы ежегазетно франков полтора, т. е. 300 франков в*

месяц» [VII, 134]; *«А теперь... (дверь без стука, но с треском открывается, впуская сначала поднос, потом женский клетчатый живот) – чем богаты, тем и рады!»*.

У Цветаевой большой опыт общения с народом (вещевые базары, вокзалы, общие вагоны), ее умиляет простой говорок, пересыпанный народными перлами, который Цветаева с большой любовью и точностью вводит в свой текст: *«Да разве у всех рассудок есть? Вот, хотя бы отец мой, к примеру, – как началось это гонение, он сразу рассудил: с больной головы да на здоровую валят. Поп, крысий хвост, нашкодил – Бога вешать ведут. Не ответственен Бог за поповский зуб! И сами, говорит, премного виноваты: попа не читили, вот он и сам себя чтить перестал. А как его чтить-то?»*.

Мастерская – можно назвать творческий подход Цветаевой к «кладезю русской мудрости» – *фразеологии*. Главное место в текстах Цветаевой занимает классическая книжная фразеология, которая свидетельствует о своеобразии творческого самовыражения концептуальной информации в тексте: *аидовы тени, ахиллесова пята, троянский конь, висячие сады Семирамиды, а ларчик просто открывался* и мн. др. Уникальное самовыражение индивидуальности М. Цветаевой проявляется в рождении авторского метафорического образа с использованием классической антропонимии: *Дионисиево ухо, разбиваться на куски Озириса, фавьерский день, Вавилонская башня писем, Содом дружб и любовий*.

Мастерское соотношение, умение приблизить народные образы к мифологическим для конкретизации их семантики, расширяет временное и культурное пространство в текстах Цветаевой.

Особое место в прозаических текстах Цветаевой занимают библейские фразеологизмы, что обусловлено христианской этической и эстетической ценностью: *вкусих мало мёду; тайное, ставшее явным; камня на камне не оставил; тридцать серебряников* и т. д.

Все, что связано с художественным творчеством, утверждает Цветаева, прикосновенно с божественным, поэтому в ее текстах представлен такой большой процент фразеологизмов, восходящих к библейским сюжетам: *«Каждая книга стихов – книга расставаний и разрываний, с перстом Фомы в рану между одним стихом и другим»*; *«Все стихи и вся музыка – обещание обетованной земли, которой нет»*; *«Витание поэта в облаках» – правда, но правда только об одной породе поэтов: только высоких, чисто-духовных. И даже не витанье, а обитанье»*; *«Стих – по заказу! Стих – по мановению Брюсова! И второй камень преткновения, острейший, – я совсем не знала, кто Эдмонда, мужчина или женщина, друг или подруга»*.

Использование фразеологизмов библейского происхождения показывает, насколько глубоко Цветаева знала тексты Священного Писания, которые являются самыми популярными источниками историко-культурной информации во всем мире. Надо отметить, что всякое употребление фразеологизмов в текстах дано через творческий подход автора к осмыслению библейских сюжетов.

Цветаева способна расширить образное представление фразеологизма за счет вторичной номинации библейского сюжета: *«Он лопнул совсем не потому, что*

Христос воскрес, а потому, что я на него легла... Я его просто заспала, как на суде Соломона».

Основная функция библейских фразеологизмов в текстах М. Цветаевой – передать внутреннее состояние души: *«Осень, уходя, точно задумалась, оглянулась назад на лето и никак не может повернуться к зиме. Меня такие дни растрavляют, как всякая незаслуженная доброта. (Благо тому, кто умеет слушать)».*

Квантитативные данные дают основания сделать вывод, что наиболее частотным компонентом в структуре фразеологизмов в творчестве Цветаевой является существительное *душа* (*запустить руку в душу, из души рвется, бессмертная душа, болезнь души, в душе воет, в отвод души, вернуть душу, душой и телом, голая душа, дать выход душе, до дна души, душа закипела, душевный отход, душу вызвать, душу отдать, душу положить, живая душа в мертвой петле, задета душа, запустить руку в душу, из души рвется, на миру души не спасешь, над душой стоять, некогда о душе подумать, оторваться мясом души, по образу души своей, продать душу, прожечь душу, рыться в душе, из души рвется, пустые руки души, сотни лет души, тело ее души, час души, чем больше душа пуста, тем больше она наполняется).*

В своем сознании она свято сохранила библейское представление о магии числа: *«Из тех, о которых Бог – к счастью - не заботится (сами о себе заботятся!) и которые растут прямо в небо, в семьдесятое (у нас, русских, их – семь). (Быть на седьмом небе от радости. Видеть седьмой сон. Семеро одного не ждут). 7 – русское число! О, ещё много: Семь бед – один ответ, много: Семь пятниц на неделе. Не велик городок, да семь воевод. У семи нянек дитя без глазу. Семи пядей во лбу. Семеро ворот, а все в огород. За семь вёрст киселя хлебать. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Семь вёрст до небес и все лесом».*

Ни один художник слова не имеет такого количества авторских фразеологизмов: *атрофия совести, бумага не терпит сожительства, вершинный брат, время отшумело, земные приметы, затыкать дыры ран, измерять Москву верстами, воскресить мир, засыпать золой зим и песком лет, паралич роскоши, честь – выше художеств, хождение по слуху, ценности первого порядка, утомление сложенных рук, убить прошлое, шкурнодушевное сочувствие, уют нищеты и мн. др.*

Индивидуальность авторских образов особенно ярко прослеживается на одном из слоёв фразеологического массива – паремии: *лето берет количеством; лето зимы мудренее; на миру души не спасешь, сорок сороков чужих загубишь; на храбреца трусости не наврешь; начав корнями, кончают червями; не мне – воскрешать, но не и мне оплакивать; не связывайся с бабой – всегда на бобах; одни душу продают – за розовые щеки, другие душу отдают – за небесные звуки; перед хлебом все равны; правая рука всегда выше головы; пустота – прорва и никогда не наполняется без соли делается цинга, без сахару – тоска; в лоск обирать – себя разорять; быть скупым, чтобы мочь раздаривать; где прочно – там и рвется; дала правая, а помнят обе; дала судьба раз – не надо просить второго; за бывшим не угнаться; жизнь не повторяет своих даров; жизнь, оттачивая ум – душу*

сушит; и собака смела, которую люди из сеней выталкивают в стаю волков; каждый грех – первый; когда людям нечего сказать друг другу, они играют в карты; когда в голове ясно – то и на столе ясно; кривая вывозит, прямая – топит; кровь озорная – в монастырь; слова постные, а языком с губ скоромную мысль облизывают; старых друзей – не судят; там, где ни слова не убавишь – словами не прибавишь; Ты предал – предадут тебя. Кому предал – тот и предаст; у Руси глаза велики; уступить – легче, чем настоять; чем больше душа пуста, тем лучше она наполняется; чтобы ясно было в голове – нужно, чтобы ясно было на столе; что крестьянин, что князь – шкура одинаковая; что нога взяла, то след дал, нога унесла – след привнес. В авторской паремии проявляется яркое творческое самовыражение Цветаевой, не смотря на то, что создана она по существующим фразеомоделям.

Обращает на себя внимание и контекст, позволяющий автору самому раскрывать значение выражения: *«Но – бумажный голод младенчества! – по сей день не решаюсь писать в красивых, кожаных и цветочных, даримых знакомыми для «черновиков». (Свои-то – знают!) <...> Первое чувство: недостойна! Второе: в такой тетради ничего не напишу, – страх дурного глаза, паралича роскоши; третье, уже вполне мысленное: писать в сафьяне то же самое, что пахать в атласе – не дело, игра в дело, дилетантизм, безвкусице»; «...отрешение: листвы от дерева, дерева от листвы, естественное, законное распадение того, что уже не вместе, отпадение того, что уже не нужно, что уже перестало быть насущностью, т. е. уже стало лишностью: шелестение истлевших риз» [V, 260].*

Употребление фразеологизма в свободном, нефразеологизированном значении, приводит к игре смыслов, основанной на одновременном восприятии выражения как свободного так и фразеологически связанного. Этот прием создает эмоционально-экспрессивное отношение к ситуации, описанной в тексте: *«Борис, во всяком людском отношении слова только на выручку, на худой конец, и конец – всегда худой. Ведь говорят – на прощанье»; «Гроб: точка стечения всех человеческих одиночеств, одиночество последнее и крайнее. Из всех часов – час, когда надо любить вблизи. Именно над душой стоять».*

Большой интерес представляют известные фразеологизмы, используемые Цветаевой в трансформированном виде. Несколько трансформируя фразеологизм, Марина Цветаева создает целый ряд художественно-стилистических эффектов: *«Весь этот месяц доправляла свои неизбывные корректуры – и с собой везу («остатки сладки» – горьки!). Стремление Цветаевой оживить образ побуждает ее к различным видам лексических преобразований, но семантика фразеологизма при этом не изменяется: «Милая Саломея, быка за рога, посылаю Вам 10 билетов на мой вечер 17-го июня с докладом обо мне (достаточно странно?) – угадайте кого? – похитителя Фернандэза: Слонима»; «Бисер перед свиньями... – шепчет милая человечная поэтесса Ада Чумаченко, тамошняя служащая, – я и то расстраиваюсь, когда он передо мной начинает... Стыдно... Точно – разбрасывает, а я подбираю....»; «Самое, для меня, тяжелое: нельзя ходить. Муру нельзя ходить, – значит и мне нельзя. А – какие горы! И горный горюнок <...> Дразнит – пуще чем лисицу – виноград. Ногой подать!».*

Лексический тип трансформации является самым распространенным и излюбленным приемом в творчестве М. Цветаевой, который направлен на конкретизацию внутренней формы ФЕ (прием вклинивания дополнительных компонентов в структуру ФЕ; лексическая замена компонента; усечение компонента из общей структуры фразеологизма). Используя эти приемы, М. Цветаева пытается уточнить заложенный во фразеологизм образ, придать ему яркость той среды, которую она описывает: «*Это мой давнишний вопль, **воплъ вопиющего, не в пустыне, а на базаре***»; «*Бессмысленно **ждать** «у моря погоды» – не у моря, а у станции метро*».

Эффективным, отработанным приёмом трансформации в творчестве Цветаевой является лексико-семантический, когда по определенной модели создается совершенно новая ФЕ.: «*Эренбург не ответил и дружба кончилась: **кончилась и с Геликоном, который после моего отъезда вел себя со мной, как хам <...> Так, не гонясь ни за одним, потеряла обоих***».

Часто в текстах Цветаевой наблюдается семантическая трансформация, когда сохраняется лексический состав, но ФЕ за счет контекста употребляется в новом значении или с дополнительным оттеночным значением: «*Знаю, что будет час Вашей жизни (когда Вам нечем будет дышать, как зверю, задыхающемуся в собственной шкуре), – когда, презрев все мужские дружбы, женские любви, семейные святыни, – Вы придете ко мне – за своей **бессмертной душой***»;

«*Раздует себе ночью самоварчик, оденет очки роговые, книжицу свою разворотит – и ну листами **бури-ветры подымать!***».

Любое семантическое преобразование становится началом рождения нового значения и образа ФЕ в творчестве М. Цветаевой: «*Поэт ли Брюсов после всего сказанного? Да, но не Божьей милостью. Стихотворец, творец стихов, и, что гораздо важнее, творец творца в себе. Не евангельский человек, **не зарывший своего таланта в землю**, – человек волей своей, **из земли его вынувший. Нечто создавший из ничего***».

В данном случае расширяются рамки фразеологической единицы, и создается новый образ, в основе которого лежит антитеза. В этом тексте реализуется и вопросительная конструкция, которая выполняет оценочную функцию в тексте.

Для того чтобы образность стала более выразительной, яркой и насыщенной, Цветаева использует контаминацию, совмещая две ФЕ синонимического значения в новую форму фразеологизма: «*Никогда, когда долго нет вестей, не думайте, что я не пишу: пишу – всегда, и всегда сама отправляю. Ну, еще раз – с Новым годом! **Дай Бог – всего хорошего, чего нету, и сохрани Бог – то хорошее, что есть***»; «*Ужасающее и постоянное **висение в воздухе на честном слове вероломного вдохновения***»; «*Но какой это холод, какая условность, какое **висение на ниточке и цепляние за соломинку***»; «*Китаянка уже бежит, быстрит, быстро-быстро, мелко-мелко, **мелким бесом и бисером перекатываясь на неправдоподобно-крохотных своих болванчиковых китайских ногах***»; «*И много, много должно **воды утечь, обиды набежать**, прежде чем поэт, переборов ложный стыд, решится сказать в лицо адвокату – политику – банкиру: «Ты мне не судья»*».

Художественный текст, будучи эстетически организованной системой, обладает способностью растворять в себе фразеологизмы. При этом всякое изменение формы и семантическое варьирование художественно целенаправленно, подчинено решению определенных идейно-эстетических задач. Поэтому конкретные наблюдения над системой употребления фразеологизмов ведут к познанию особенностей стиля и языка писателя. Восприятие фразеологизмов в тексте содействует развитию чувства языка, а также формы и ритма текста. А. М. Бабкин считает, что изучение авторского употребления ФЕ «представляет бесспорный теоретический интерес как для исследования процесса развития фразеологического запаса национального языка, изучения жизни отдельных фразеологизмов, так и для выявления стилистических возможностей литературного языка, а также роли мастеров языка и стиля в обогащении национального языка средствами выразительности» [1, 15].

Наиболее полно все отмеченные виды трансформации представлены в словаре фразеологизмов М. Цветаевой [2].

Список литературы

1. Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М.– Л. : Наука, 1964.
2. Шевченко Н. М. Фразеологический словарь М. Цветаевой. – Бишкек: Эстет, 2011. – 350 с.

Шевченко Наталя. Фразеотворчість М. Цветасвої / Наталя Шевченко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 238–243.

У статті йдеться про мовну майстерність М. Цветасвої на фразеологічному рівні. Відзначено різноманітні механізми декодування індивідуально-авторської фразеології, яка розглядається з моменту існування її уявлення в мовній картині світу і культурі людства певного часового простору.

Ключові слова: паремійний масив, лексична трансформація, семантична трансформація, контамінація.

Shevchenko Natalya. Phraseoworks of M. Tsvetaeva / Natalya Shevchenko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 238–243.

The article analyses the creation of words of M. Tsvetaeva at the phraseological level. The illustrations are presented by all revealed kinds of transformation in the prose and epistolary texts of the poet(ess).

Key words: paremical unit, lexical transformation, semantic transformation, contamination.

Стаття надійшла до редакції 7 березня 2012 року